

Аксиологические ценности финансово-правовых институтов публичного банковского права в современный период развития российской правовой системы

Axiological values of financial and legal institutions of public banking law in the modern period of development of the Russian system

Миронов В.Ю.

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

e-mail: mironovmail@yandex.ru

Mironov V.Yu.

Associate Professor, Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva, Saratov State Law Academy, Saratov

e-mail: mironovmail@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуются аксиологические (ценностные) основы финансово-правовых институтов публичного банковского права России в условиях современных геополитических и экономических трансформаций. Анализируется содержание таких фундаментальных ценностей, как стабильность, справедливость, доверие и прозрачность, а также механизмы их закрепления в нормативной базе и реализации в правоприменительной практике. Рассматривается эволюция ценностных ориентиров банковского права в дореволюционный, советский и современный периоды. Особое внимание уделяется выявлению дисбаланса между декларируемыми принципами и фактическим положением дел, порождающего риски для финансовой устойчивости. Автором исследуются коллизии публичных и частных интересов в банковской сфере, а также влияние санкционного давления и цифровизации на трансформацию аксиологических приоритетов. Обосновывается вывод о необходимости интеграции ценностных критериев в надзорные процедуры Банка России для укрепления доверия к финансовой системе и обеспечения национальной экономической безопасности.

Ключевые слова: банковское право, банковская деятельность, публичное банковское право, банковские институты, банковское регулирование.

Abstract

This article examines the axiological (value-based) foundations of the financial and legal institutions of public banking law in Russia amidst contemporary geopolitical and economic transformations. It analyzes the content of fundamental values such as stability, fairness, trust, and transparency, as well as the mechanisms for enshrining them in the regulatory framework and implementing them in law enforcement practice. The evolution of value-based guidelines in banking law in the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods is examined. Particular attention is paid to identifying the imbalance between declared principles and the actual state of affairs, which creates risks to financial stability. The author examines the conflicts of public and private interests in the banking sector, as well as the impact of sanctions pressure and digitalization on the transformation

of axiological priorities. The author substantiates the conclusion that it is necessary to integrate value-based criteria into the Bank of Russia's supervisory procedures to strengthen trust in the financial system and ensure national economic security.

Keywords: banking law, banking activities, public banking law, banking institutions, banking regulation.

Современный этап развития российской правовой системы проходит под знаком глубоких геополитических и экономических трансформаций, которые предъявляют новые требования к устойчивости финансового сектора. Уровень финансовой безопасности является критерием оценки эффективности, рациональности и законности проводимых действий государства [2, с. 6]. Право все чаще рассматривается в контексте проблем его адаптации к новым условиям функционирования общества. Известно, что именно в такие моменты существенных изменений социальной жизни становится значимым ее аксиологическое осмысление, актуализируются вопросы о предметной наполненности и внешнего выражения права как социальной и личной ценности; о понятии и природе правовых ценностей, их соотношении с ценностями права, правовыми нормами и принципами; о поиске механизмов и принципов взаимодействия правовых ценностей и ценностей права между собой [6, с. 5]. В этих условиях особую значимость приобретает исследование аксиологических основ публичного банковского права, выполняющего значимую функцию в механизме государственного регулирования. Финансово-правовые институты публичного банковского права выступают не только инструментом регулирования и контроля, но и носителями ценностных ориентиров, формирующих этико-правовое пространство банковской деятельности. Принципы справедливости, прозрачности и социальной ответственности, заложенные в основу публичного банковского права, создают необходимые предпосылки для гармонизации интересов государства, кредитных организаций и их клиентов. В системе координат публичного банковского права именно аксиологические ценности берут на себя функцию обеспечения баланса между публичными и частными началами. Они выступают своего рода буферной зоной, позволяющей сочетать императивное требование обеспечения финансовой стабильности с насущными потребностями экономического развития. Очевидно, что от качества реализации этих ценностей напрямую зависит устойчивость национальной финансовой архитектуры перед лицом внешних шоков.

Анализ действующего российского законодательства показывает, что формально-юридическая фиксация данных ценностей сомнений не вызывает. Нормы о защите прав вкладчиков, обеспечении стабильности кредитных организаций и поддержании доверия к финансовой системе образуют тот ценностный каркас, на котором держится отрасль. Однако при обращении к правоприменительной практике неизбежно сталкиваешься с явлением, которое можно обозначить как нормативно-практический диссонанс. Расхождение между провозглашенными ориентирами и их фактической реализацией субъектами банковской системы достигает критических значений именно в условиях экономической нестабильности, когда риски нарушения прав потребителей традиционно обостряются.

Подобная эрозия ценностных оснований банковского права чревата системными последствиями. Пренебрежение аксиологическими установками при формальном соблюдении нормативных требований постепенно подрывает доверие к банковским институтам, без которого невозможно функционирование любой финансовой системы. Возникает ситуация, при которой государственное регулирование, утрачивая ценностные ориентиры, превращается в набор формальных процедур, неспособных предотвратить кризисные явления. В этой связи цель настоящей работы видится в комплексном осмыслении механизмов интеграции данных ценностей в реальную правоприменительную практику и выработке предложений по совершенствованию государственной политики, способных преодолеть существующий разрыв между нормативным идеалом и действительностью. Особое внимание уделяется поиску оптимальных путей трансляции нормативных принципов в реальные управленческие решения, обеспечивающие устойчивость банковского сектора.

Аксиологические ценности в праве выступают нормативно-значимыми ориентирами, формирующими целевые установки правового регулирования. Аксиология как философский раздел о ценностях дает ключ к пониманию роли и значения права в юридической действительности правовой сферы общества [12, с. 49]. Большинство из них считают, что центральным понятием аксиологии является «ценность», а основным исследовательским содержанием аксиологии являются: природа ценности, классификация ценности, высший эталон ценности, субъективность и объективность ценности, соотношение между ценностью и вещь или существование и реальность [4, с. 125]. В контексте правовой системы ценности приобретают нормативный характер, определяя вектор развития законодательства. Эти ориентиры формируют концептуальную основу для построения правовых институтов, включая публичное банковское право. Через призму аксиологических ценностей законодатель определяет баланс публичных и частных интересов в финансовой сфере. Нормативно-значимые ориентиры обеспечивают единство правового пространства, задавая критерии оценки эффективности правовых механизмов.

Сущность правовых ценностей раскрывается через их функциональное назначение: интеграционную, регулятивную и оценочную функции. Интеграционная функция обеспечивает согласованность правовых норм с общественными ожиданиями, формируя единое правовое поле. Регулятивная функция права в банковской сфере представляет собой механизм целенаправленного воздействия на поведение участников правоотношений посредством установления системы стимулов (дозволений) и ограничений (запретов, обязываний). Оценочная функция, в свою очередь, позволяет квалифицировать деяния субъектов как правомерные либо противоправные, опираясь на аксиологические критерии, заложенные в правовых нормах. Интегративное взаимодействие данных функций формирует необходимые условия для легитимации правовых институтов, включая механизмы банковского регулирования и надзора. Таким образом ценности становятся фактором, обеспечивающим стабильность, предсказуемость, а также внутреннюю согласованность правовой системы.

Публичное банковское право при этом можно рассматривать в качестве механизма реализации социально значимых ценностей путем принятия нормативных актов, определяющих допустимые параметры поведения субъектов финансового рынка и формирующих юридическую основу для защиты публичных интересов, обеспечивая при этом необходимое равновесие с частными интересами. Посредством такого регулятивного воздействия экономические практики направляются в русло, соответствующее установленным ценностным ориентирам. Имплементация ценностных установок через право находит выражение в регламентации доступа к финансовым услугам, механизмах защиты прав потребителей и поддержании финансовой стабильности как ключевого условия функционирования экономической системы. Нормативные предписания фиксируют круг обязанностей и ограничений, направленных на минимизацию рисков, способных причинить ущерб общественному благосостоянию. Приоритетной задачей такого регулятивного воздействия выступает создание условий, обеспечивающих устойчивое функционирование банковской системы в интересах общества и государства.

Институциональная природа публичного банковского права обуславливает системное закрепление ценностных приоритетов через наделение Банка России соответствующими властными полномочиями и предъявление обязательных требований к деятельности кредитных организаций. Мегарегулятор, реализуя компетенции в сфере лицензирования, контроля и применения мер принуждения, формализует процесс воплощения приоритетов финансовой стабильности и общественной защиты. Подобная институциональная архитектура способствует унификации правоприменительной практики и ограничивает дискреционные риски, связанные с возможностью произвольного административного усмотрения.

Внутренние процедурные механизмы и стандарты корпоративного управления, внедряемые в кредитных организациях, выступают в качестве каналов трансляции публичных

ценностей на уровень операционной деятельности. Нормативные требования, предъявляемые к отчетности, системам управления рисками и порядку взаимодействия с клиентами, объективируют ожидания регулятора и усиливают подотчетность поднадзорных субъектов. Совокупность данных механизмов создает предпосылки для повышения предсказуемости поведения участников финансового рынка и укрепления доверия к банковской системе в целом.

Процесс трансляции ценностей осуществляется посредством иерархически организованной системы нормативных правовых актов – от общих принципов, закрепленных на законодательном уровне, до детализированных нормативов и инструкций, устанавливающих конкретные стандарты поведения для субъектов банковской системы. На каждом из уровней правового регулирования происходит конкретизация общих ценностных ориентиров и фиксация правил их реализации, что в совокупности обеспечивает содержательное единство и системную связность всего массива правовых предписаний в сфере публичного банковского права. Такая структура позволяет согласовать требования к деятельности регулятора и кредитных организаций в единую систему норм. Эффективность трансляционной функции зависит от механизмов правоприменения и контроля за соблюдением установленных стандартов. Применение санкций, мониторинг и надзорные практики направлены на обеспечение выполнения предписаний и поддержание общественной целостности финансовой сферы. Результатом такого регулирования является повышение устойчивости системы и укрепление доверия со стороны участников рынка и граждан.

Стабильность выступает фундаментальной ценностью публичного банковского права, обеспечивая устойчивость финансовой системы. Её достижение реализуется через механизмы надзора, осуществляемого Банком России, где важнейшая роль отводится пруденциальному надзору, направленному на предотвращение рисков и соблюдение обязательных нормативов (например, Инструкция Банка России от 26 мая 2025 г. № 220-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности собственных средств (капитала) банков с универсальной лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением»; Инструкция Банка России от 8 ноября 2021 г. № 207-И «О допустимых сочетаниях банковских операций расчетных небанковских кредитных организаций, об обязательных нормативах расчетных небанковских кредитных организаций и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением»; Инструкция Банка России от 26 мая 2025 г. № 221-И «Об обязательных нормативах банков с базовой лицензией и об осуществлении Банком России надзора за их соблюдением» и др.). Эти инструменты минимизируют системные риски, предотвращают дестабилизацию кредитных организаций и банковской системы в целом. Чрезвычайная значимость банковских рисков для жизнедеятельности кредитных и иных финансовых структур, а также необходимость их учета, анализа и минимизации признана во всем мире [1, с. 375]. Надзор за соблюдением установленных требований создаёт основу для долгосрочного функционирования банковского сектора. Антикризисное регулирование дополняет систему обеспечения стабильности, предусматривая меры санации проблемных банков с участием Управляющей компании Фонда консолидации банковского сектора¹ и процедуры отзыва лицензий. Особого внимания заслуживает позитивная оценка действий российских властей в период острой фазы кризиса 2008–2009 гг. На международном уровне, в экспертной среде и в самом банковском секторе высоко оцениваются беспрецедентные меры Банка России и Правительства по предоставлению ликвидности и укреплению пассивной базы. Результатом оперативного реагирования стала быстрая стабилизация банковского сектора (Федеральный закон от 1 мая 2017 г. № 84-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Ключевым индикатором успеха выступило доверие населения: вопреки кризису, вклады граждан за 2009 год выросли на 26,7% (против 14% в 2008-м), что убедительно подтверждает уверенность граждан в надежности банковской системы. Таким образом, российская практика наглядно демонстрирует, что

сочетание превентивных мер и оперативного реагирования является эффективным механизмом поддержания доверия участников рынка.

Справедливость как аксиологический ориентир проявляется в защите прав потребителей финансовых услуг. Выделяют несколько уровней системы защиты прав потребителей финансовых услуг: построение системы рассмотрения жалоб и предоставление возможностей – как судебных, так и внесудебных – для обжалования действий поставщиков финансовых услуг, обеспечение доступности финансовых услуг и обеспечение устойчивости финансовых организаций [7, с. 338-339].

Доверие формируется посредством обеспечения прозрачности банковских операций и отчётности. Требования к раскрытию информации о финансовом состоянии кредитных организаций позволяют клиентам принимать обоснованные решения. Публичность ключевых показателей деятельности банков снижает асимметрию информации на рынке. Система страхования вкладов выступает ключевым механизмом укрепления доверия населения к банковской системе. Гарантии возмещения средств при отзыве лицензии минимизируют риски вкладчиков. Эффективность данного института подтверждается ростом объема привлеченных депозитов в банковский сектор. Так, в аналитическом материале Банка России «О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2025 года» (Информационно-аналитический материал банка России «О развитии банковского сектора Российской Федерации в декабре 2025») говорится о том, что на 1 января 2026 г. общий объем средств физических лиц в банках составил рекордные 67 трлн. руб. За 2025 год средства населения увеличились на 16,2%, а в 2024 г. на 27,7%.

Приведенные статистические данные наглядно демонстрируют, что современная парадигма банковского регулирования в качестве ключевой ценности (аксиологической основы) рассматривает защиту интересов массового вкладчика и прозрачность рыночных механизмов. Однако такой подход является результатом длительной эволюции.

В дореволюционный период становление аксиологических оснований банковского регулирования происходило под определяющим воздействием двух ключевых факторов: государственной политики и сословной структуры общества. Государственный контроль выступал в качестве доминирующего регулятивного механизма, задавая параметры функционирования кредитных учреждений и фиксируя приоритеты, среди которых центральное место отводилось финансовой стабильности и обеспечению государственных нужд. Параллельно с этим сословная организация общества и связанные с ней экономические привилегии отдельных групп населения оказывали существенное влияние на институциональную архитектуру банковской системы, предопределяя ограниченный характер банковских функций и избирательный характер доступа к кредитным ресурсам для различных социальных страт.

В сложившихся условиях банковские институты приобретали характер инструмента государственной власти и элемента поддержания социальной иерархии, а не самостоятельного рыночного механизма, ориентированного на удовлетворение потребностей экономического оборота. Доминирование указанных ценностных ориентиров находило непосредственное отражение как в нормативных правовых актах того времени, так и в повседневной практике экономических отношений, где приоритет неизменно отдавался задачам поддержания общественного порядка и реализации государственных интересов. Коммерческая составляющая банковской деятельности и потребности частного кредита отступали на второй план перед публично-правовыми и сословно-корпоративными началами организации банковского дела. Такая предустановка оказала воздействие на дальнейшую эволюцию банковского права, сформировав предпосылки для сохранения сильной роли государства в финансовом регулировании.

Советская банковская система претерпела существенную трансформацию аксиологических ориентиров в пользу планово-распределительных принципов и централизованного управления. Банки фактически интегрировались в систему государственного планирования и утратили функции рыночных посредников, что повлияло на

распределение финансовых ресурсов. В советский период существовал лишь один банк, что характеризовало традиционное отношение к нему; он был хорошо узнаваем и предсказуем [3, с. 89]. В таких условиях ключевые ценности банковского права смещались в сторону перераспределения, коллективных интересов и обеспечения выполнения плановых показателей. Приоритеты социальной справедливости и централизации финансовых потоков стали определяющими, что снижало значимость конкурентных стимулов и финансовой автономии. Наследие этих ориентиров проявляется в последующих этапах реформирования, создавая институциональные вызовы при переходе к рыночным механизмам регулирования.

Глобализация финансовых рынков обуславливает переориентацию ценностных приоритетов в публичном банковском праве с учётом ускоренной трансграничной мобильности капитала и усиления взаимозависимости финансовых систем. Возникает необходимость согласования национальных нормативных подходов с международными стандартами при одновременном обеспечении независимости денежно-кредитной политики и макроэкономической устойчивости. Данная динамика требует пересмотра соотношения между открытостью рынка и защитой национальных экономических интересов. В результате формируется ценностный акцент на сочетании экономической эффективности и институционального суверенитета, что отражается в нормативных приоритетах публичного банковского права. Это проявляется в усилении мер по контролю за системными рисками и в механизмах обеспечения финансовой устойчивости государства. Внутри правовой системы такие изменения создают устойчивый запрос на баланс между интеграцией в мировую экономику и сохранением инструментов национальной политики.

Использование искусственного интеллекта, больших данных, распределённых реестров и других IT-решений кардинально изменило характер банковских услуг. В условиях внешнего давления, санкционных ограничений и технологических рисков российские банки вынуждены пересматривать подходы к обслуживанию клиентов, безопасности данных и взаимодействию с регулятором [9, с. 121]. Цифровая трансформация банковской деятельности предъявляет новые требования к аксиологическим моделям, в которых инновационность должна сочетаться с правовой определённостью и защитой публичных интересов. Современные преобразования нормативной повестки находят непосредственное отражение в ключевых направлениях правового регулирования, которые формируются в ответ на новые риски и технологические вызовы. Речь идет о таких институтах, как правовое регулирование банковских рисков, внедрение риск-ориентированного банковского надзора, развитие консультационного и поведенческого надзора на финансовом рынке, усиление контроля за организацией внутренних процедур в кредитных организациях, а также формирование правовых основ национальной платежной системы. Внедрение указанных направлений требует разработки чётких правовых норм, обеспечивающих предсказуемость регулирования при сохранении пространства для инноваций. Важная роль в данном случае отводится нормативным актам Банка России. Отмечается, что аксиологические аспекты правотворчества Банка России сосредоточены на формировании правомерного поведения в финансовых правоотношениях в сфере компетенции Банка России, поддержанию должного уровня правопорядка в указанной сфере, повышении финансовой грамотности потребителей финансовых услуг, развитии финансового просвещения и финансово-правовой культуры, пресечения и недопущения недобросовестных практик на финансовом рынке [10, с. 120]. Развитие правового регулирования в цифровой среде должно учитывать вопросы кибербезопасности, защиты прав клиентов и обеспечения финансовой доступности, сохраняя при этом принципы ответственности и прозрачности. По заявлению Председателя Банка России Э.С. Набиуллиной, новые шаги сделаны для развития сильных сторон российского финансового рынка – его технологичности, конкуренции надежных и удобных цифровых и платежных сервисов. Активно развивается Система быстрых платежей, с каждым годом растут возможности и востребованность Цифрового профиля [5, с. 6].

Правовая определённость выступает фундаментальным условием снижения регуляторных рисков и повышения доверия участников финансового рынка, что приобретает

критическое значение для устойчивого внедрения цифровых технологий в банковскую сферу. В данном контексте адаптация аксиологических моделей публичного банковского права предполагает формирование комплексного подхода, сочетающего стимулирование инновационного развития с эффективной защитой публичных интересов.

Санкционное давление выступает внешним фактором, детерминирующим корректировку аксиологических установок банковского регулирования в сторону приоритетов финансовой устойчивости и экономической безопасности. Указанная трансформация находит выражение в усилении роли государства как гаранта стабильного функционирования финансовой системы. Практическая реализация данных приоритетов проявляется в развитии мер, направленных на поддержание ликвидности кредитных организаций, обеспечение их платёжеспособности и снижение уязвимости финансовой системы перед экзогенными шоками. В правовой плоскости обозначенные процессы ведут к перераспределению акцентов между рыночными механизмами саморегулирования и инструментами государственно-управленческого воздействия.

В условиях санкционных ограничений объективно возникает потребность в формировании специализированных нормативных инструментов, ориентированных на обеспечение устойчивости национальной экономики и поддержание доверия к банковской системе. Подобная ситуация порождает известное напряжение между сохранением принципов конкурентности и необходимостью применения защитных мер, которые по своей природе могут носить временный и исключительный характер. В этой связи публичное банковское право призвано обеспечивать легитимность таких мер посредством разработки прозрачных процедур их введения и неукоснительного соблюдения принципов пропорциональности и соразмерности.

Коллизии между публично-правовыми ценностями финансовой стабильности и частными интересами кредитных организаций объективно проявляются в противоречии целей банковского надзора и задач коммерческой деятельности. Меры, направленные на обеспечение устойчивости финансовой системы (в частности, ужесточение требований к достаточности капитала и ликвидности), объективно ограничивают свободу манёвра кредитных организаций и оказывают влияние на их доходность. В правоприменительной практике данные противоречия находят выражение в конфликтах интересов при оценке допустимости рискованных операций и выборе адекватных мер надзорного реагирования. Следствием подобных коллизий становится усиление регуляторной неопределённости, а также возникновение у кредитных организаций стимулов к правовому обходу установленных требований, что снижает эффективность правоприменительной деятельности Банка России.

Принцип пропорциональности в банковском регулировании предполагает соразмерность предъявляемых к кредитным организациям требований и применяемых в отношении них мер воздействия степени принимаемых рисков. Однако практическая реализация данного принципа на протяжении длительного времени была сопряжена с существенными противоречиями, возникающими при попытке одновременного снижения надзорной нагрузки и поддержания конкурентной среды. Применение жестких стандартов ко всем категориям кредитных организаций приводило к дискриминации мелких и средних участников рынка, для которых соблюдение формальных требований оказывалось непропорционально затратным. Это ограничивало возможности появления новых участников рынка и способствовало концентрации банковского сектора. Отсутствие четких критериев пропорциональности и унифицированных подходов к классификации рисков усиливало неоднородность правоприменительной практики и снижало предсказуемость регулирования. В итоге конкурентная среда оказывалась искаженной в пользу крупных банков, обладающих необходимыми ресурсами для адаптации к регуляторным требованиям.

Существенным шагом в преодолении указанных противоречий стала реализованная Банком России реформа пропорционального регулирования. Внедренный с 1 июня 2017 г. механизм разделения кредитных организаций на банки с универсальной и базовой лицензией

(Федеральный закон от 1 мая 2017 г. № 92-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») позволил дифференцировать регуляторные требования в зависимости от масштаба деятельности и объема принимаемых рисков. Как отмечается в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 г., пропорциональное банковское регулирование направлено в том числе на выравнивание конкурентных условий и создание оптимального регулятивного режима для небольших банков (Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 г.»).

Результаты проведенной реформы свидетельствуют о ее позитивном влиянии на банковский сектор, создании необходимых предпосылок для преодоления ранее существовавших дисбалансов. Дальнейшее совершенствование правовых механизмов, учитывающих многообразие банковских бизнес-моделей и актуальные экономические вызовы, должно быть направлено на укрепление достигнутых позитивных результатов и минимизацию сохраняющихся регуляторных рисков.

Нормативно-ценностный фундамент публичного банковского права выступает институциональной гарантией системной стабильности финансового сектора. Его содержание образует закрепление ключевых принципов — устойчивости, ответственности и защиты публичных интересов — в системе нормативных правовых актов и институциональных процедур. Подобная интеграция ценностных установок обеспечивает предсказуемость правового режима и способствует снижению институциональных рисков. Конкретные правовые механизмы (лицензирование, требования к достаточности капитала, банковский надзор) реализуют заложенные ценностные ориентиры на практике. Посредством институциональных процедур и формализованных правил поведения, адресованных субъектам финансового рынка, ценности трансформируются в действенные инструменты предотвращения системных шоков и минимизации потерь доверия. В результате нормативно-ценностный каркас формирует необходимые условия для устойчивого функционирования банковской системы и снижения негативных последствий кризисных явлений.

Доверие как аксиологическая категория занимает особое место в системе публичного банковского права, поскольку непосредственно влияет на легитимность регулирующих институтов и эффективность реализуемых ими мер. Поддержание доверия выступает одновременно и целью, и условием успешного функционирования всей системы банковского регулирования, что требует его последовательного учёта при разработке и применении нормативных правовых актов. Высокий уровень доверия обеспечивает добровольное соблюдение норм, уменьшает вероятность бегства вкладов и повышает устойчивость платежных и кредитных отношений. Поэтому политика прозрачности, отчетности и защиты прав кредиторов и вкладчиков является неотъемлемой частью аксиологических ориентиров публичного банковского права. Благодаря пристальному вниманию отечественного законодателя и Банка России к проблеме предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций, современное российское законодательство содержит обширный перечень мер, направленных на предупреждение банкротства банков и богатую практику применения данных мер [11, с. 190]. Указание на предупреждение банкротства иллюстрирует, что механизм защиты интересов вкладчиков и система раннего вмешательства рассматриваются как ключевые элементы укрепления доверия к регулятору. Таким образом, интеграция превентивных мер в правовое поле способствует повышению легитимности институтов за счет демонстрации их способности защищать общественные интересы и обеспечивать стабильность.

Интеграция аксиологических критериев в процедуры толкования финансово-правовых норм обеспечивает соответствие правоприменительных решений базовым ценностям правовой системы, таким как стабильность, справедливость и доверие. Это требует систематического включения ценностных ориентиров в методологию толкования, в том числе при применении телеологического и системного методов правового анализа. Внедрение таких подходов способствует снижению нормативной неопределённости и укреплению

легитимности принимаемых решений. Практическая реализация интеграции возможна через разработку официальных руководств по толкованию, методических разъяснений уполномоченных органов и координацию позиций судов и регуляторов. Соответствующие документы должны фиксировать приоритеты ценностей и служить ориентиром при разрешении коллизионных и пробельных ситуаций в праве. Подготовка правоприменителей в области аксиологического анализа представляет собой необходимое условие обеспечения единообразия подходов и предсказуемости применения норм публичного банковского права. Систематическое повышение квалификации сотрудников регулятора и иных правоприменительных органов в данной сфере способствует формированию устойчивых навыков идентификации и учёта ценностных ориентиров при принятии юридически значимых решений.

Повышение прозрачности регуляторных решений через призму аксиологических приоритетов предполагает внедрение практики публичного обоснования ценностных намерений и мотивов, лежащих в основе применения тех или иных нормативных предписаний. Публикация развёрнутых обоснований принимаемых решений, оценок их социально-экономических последствий, а также результатов процедур консультаций с заинтересованными сторонами позволяет соотнести конкретные меры регулирования с провозглашёнными аксиологическими приоритетами. Формирование подобной практики усиливает ответственность регулятора перед обществом и способствует росту общественного доверия к процессу принятия государственно значимых решений в банковской сфере.

Совершенствование стандартов профессиональной этики выступает ключевым инструментом ценностно-ориентированного контроля за деятельностью как Банка России, так и кредитных организаций. Внедрение детализированных этических кодексов, создание эффективных механизмов декларирования и урегулирования конфликтов интересов, а также формирование надлежащих процедур дисциплинарного реагирования на этические нарушения способствуют предотвращению коррупционных проявлений и иных некорректных практик.

В основе применения инструментов макропруденциальной политики – будь то меры по обеспечению ликвидности или поддержание платежеспособности участников рынка – лежит не просто технический расчет рисков, но определенная система ценностных координат. Именно она придает регулированию внутреннюю логику и оправдывает те или иные действия Банка России в глазах общества. Когда мы говорим о долгосрочности и равенстве как о принципах, то по сути речь идет о легитимации непопулярных или экстраординарных мер, без которых в кризисной ситуации не обойтись. Прозрачность и предсказуемость в этом контексте работают как инструмент снижения неопределенности: чем яснее правила игры, тем быстрее участники рынка адаптируются к внешним ограничениям и тем меньше хаоса вносит в их деятельность регуляторная непоследовательность.

Доверие к банковской системе – категория, конечно, абстрактная, но в условиях, когда доступ к международным рынкам капитала затруднен или вовсе перекрыт, именно оно становится едва ли не главным ресурсом. Здесь важно понимать: юридическая фиксация таких приоритетов, как безопасность и справедливость, работает не как декоративный элемент, а как реальный ограничитель для самого Банка России. Она не позволяет в угоду сиюминутной стабильности переступить через права экономических субъектов и создать прецедент, который потом аукнется потерей доверия на годы вперед. Собственно, в этом и заключается идея стратегической автономии финансовой системы: она не замыкается в автаркии, но обретает способность самостоятельно, без оглядки на внешние центры силы, вырабатывать и реализовывать меры реагирования на санкционные вызовы.

Отдельный вопрос – как именно ценностные ориентиры встраиваются в процедуры риск-ориентированного надзора. На первый взгляд, надзор – это сфера чистых цифр, нормативов и формализованных процедур. Но практика показывает, что за выбором тех или иных индикаторов, за интерпретацией результатов стресс-тестов всегда стоит определенное представление о том, что считать допустимым, а что – угрозой, требующей немедленного

вмешательства. Когда ценностные критерии входят в методики оценки рисков, надзор перестает быть слепым к контексту. Он начинает видеть не только формальные нарушения, но и потенциальные источники системной нестабильности, которые могут не укладываться в стандартные отчетные формы, но при этом нести реальную угрозу. И в этом смысле аксиологическая составляющая – не добавка к регулированию, а его неотъемлемая часть, без которой оно рискует превратиться в механическое применение инструкций, оторванное от реальности. Положения о прозрачности, пропорциональности и ответственности ориентируют надзорные практики на раннее выявление системных уязвимостей и на санкционированное использование инструментов вмешательства. Такое ценностное наполнение способствует укреплению межведомственного взаимодействия, обмена информацией и проведению стресс-тестов с учетом геополитических рисков. В результате надзор становится не только механизмом контроля, но и правовым инструментом обеспечения устойчивости национальной финансовой безопасности.

Современные геополитические и экономические вызовы актуализировали роль аксиологических ценностей публичного банковского права как системообразующего элемента российской правовой системы. Исследование подтвердило, что принципы стабильности, справедливости и доверия выступают не абстрактными декларациями, а практическими ориентирами для согласования интересов государства, бизнеса и общества. Публично-правовое регулирование банковской деятельности должно осуществляться через последовательную реализацию данных ценностных ориентиров в нормативных актах и правоприменительной практике.

Проведенный анализ обнаруживает имеющийся разрыв между тем, как аксиологические принципы закреплены в нормативных актах, и тем, как они реально работают в повседневной деятельности. Важно отметить, что сама система банковского надзора в последние годы активно развивается, адаптируясь к новым вызовам и усложняющимся практикам финансового рынка. Наряду с традиционными формами контроля все большее значение приобретают новые форматы надзорной деятельности.

Прежде всего это поведенческий надзор, который Банк России последовательно развивает на протяжении последних лет [8, с. 65]. В отличие от классического пруденциального надзора, ориентированного на финансовые показатели и нормативы, поведенческий надзор фокусируется на том, как финансовые организации взаимодействуют с потребителями. Его цель – выявление и пресечение недобросовестных практик (мисселинга), навязывания дополнительных услуг, использования когнитивных уязвимостей клиентов.

Кроме того, получает развитие консультационный (консультативный) надзор. Речь идет о выстраивании диалога между регулятором и поднадзорными организациями, когда надзорные органы не только контролируют, но и разъясняют свои ожидания, помогают банкам корректировать бизнес-модели и системы управления рисками на ранних стадиях возникновения проблем. Такой подход позволяет предотвращать нарушения до того, как они причинят ущерб кредиторам и вкладчикам. Отдельного внимания заслуживает появление законодательно закрепленной формы контрольного мероприятия (ст. 73.1-1, ст. 76.5 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»). Развитие этих новых форм надзора создает дополнительные возможности для преодоления разрыва между нормативными декларациями и реальной защитой прав потребителей.

Исследование позволяет очертить несколько ключевых направлений дальнейшего развития публичного банковского права. Это повышение институциональной ответственности самого регулятора, развитие открытости регулирования (включая публичное обоснование принимаемых решений) и, конечно, совершенствование механизмов защиты прав потребителей – той самой сферы, где ценностные принципы проходят проверку реальностью. Если эти меры удастся реализовать последовательно и без рывков, есть основания полагать, что аксиологические принципы перестанут быть просто декларацией и превратятся

в работающий инструмент государственной политики, способствующий росту доверия к финансовой системе и укреплению экономической безопасности.

Литература

1. Банковское право: учебник для вузов / Д.Г. Алексеева [и др.]; под редакцией Д.Г. Алексеевой, С.В. Пыхтина. – 5-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 460 с.
2. Блажевич О.Г., Жупанова С.В. Особенности обеспечения финансовой безопасности государства // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. – 2022. – №2. – С. 5–9.
3. Богданова Е.В. Структура доверия в отношениях «клиент-банк» // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2005. - № 1. – С. 87-90.
4. Гао Тяньцзяо, Овчинников С.Н. Аксиологический подход в праве: противоречия и препятствия // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2022. – №3. – С. 125–128.
5. Годовой отчет Банка России за 2024 год [Электронный ресурс] // https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/55239/ar_2024.pdf. (дата обращения: 20.02.2026).
6. Горобец К.В., Аксиология права: философский и юридический дискурс: моногр. / К.В. Горобец. – Одесса: Феникс, 2013. – 218 с.
7. Гузнов А.Ш., Рождественская Т.Э. Регулирование, контроль и надзор на финансовом рынке в Российской Федерации – Москва: Издательство Юрайт, 2026 – 585 с.
8. Литовко А.С. Поведение субъектов финансового рынка как объект контрольно-надзорной деятельности Банка России // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. – Т. 20. – № 2. – С. 64–69.
9. Николайчук О.А., Гаврилова Е.А. Проблемы устойчивости банковской системы в условиях цифровизации // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – №2. – С. 120 –126.
10. Пастушенко Е.Н., Земцова Л.Н., Мацюпа К.В. Аксиологические аспекты правотворчества Центрального банка Российской Федерации как субъекта финансового права // Аксиология в финансовом праве государств Центральной и Восточной Европы: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы – Гродно: ГрГУ, 2019. – 172 с.
11. Присяжнюк Я.М. Классификация мер по предупреждению несостоятельности (банкротства) кредитных организаций // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. № 8. – С. 189 – 201.
12. Фурман Ф.П. Диалектика архаики и модерна в аксиологии современного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – №2. – С. 48–54.